

УДК 82-1/-9
ББК 83.3(2Рос=Рус)

О.И. Осипова

**«ЧУДЕСНАЯ ЖИЗНЬ
ИОСИФА БАЛЬЗАМО,
ГРАФА КАЛИОСТРО»
М. КУЗМИНА
КАК РОМАН-БИОГРАФИЯ**

Статья посвящена рассмотрению одной из жанровых дефиниций романа М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» – биографии. Подробно анализируются текстовые категории, формирующие жанр биографии. Особое внимание уделяется реализации категорий времени и пространства в рассматриваемом романе, а также принципам жизнеописания легендарной личности. Анализируются как исторически сложившийся жанровый канон, так и модификации, привнесенные в жанр автором. Делается вывод о том, что трансформация жанровой модели классической биографии обусловлена новым взглядом на человека и на описание его жизни, инспирированным поэтикой модернизма.

Ключевые слова: биография, роман, время, пространство, хроно-топ пути, циклический сюжет, модернизм.

Осипова Ольга Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова

Тел.: 8(924)463-71-25
E-mail: fia-fa@mail.ru

В литературоведении жанру произведений М. Кузмина уделялось внимание постольку, поскольку жанр был связан с главным принципом поэтики автора – «стилизацией». Актуальность предпринятого исследования определяется отсутствием обобщающих работ, исследующих жанровые особенности произведений М. Кузмина, в частности означенного романа.

Во «Введении» к роману М. Кузмин задает определенную парадигму читательского восприятия произведения: *«Мне бы хотелось, чтобы из моих жизнеописаний узнали то, что лишь самый внимательный, почти посвященный чтец вычитает из десятка хотя бы самых точных и подробных, фактических биографий, – единственное, что нужно помнить, лишь на время пленяясь игрою забавных, трагических и чувствительных сплетений, все равно, достоверных или правдоподобно выдуманных»* [Кузмин]. Вообразив себя подобным читателем, постараемся понять природу романа и идею, вложенную в него автором. Сделаем это через призму одной из основных категорий, моделирующих как авторское деяние, так и читательское восприятие – категорию жанра.

В ряде литературоведческих работ по отношению к произведениям М. Кузмина можно встретить дефиницию «повесть» (М.Б. Граматчикова, Н.А. Богомолов, Г.А. Морев). Но сам Кузмин называл свои произведения романами, хотя бытует мнение, что жанровая дефиниция не была принципиальна для автора. Мы же с опорой на многожанровую структуру «Чудесной жизни...», в которой представлены

такие жанровые формы, как биография, житие, авантюрный роман, легенда, рассматриваем произведение как романное целое с вытекающим отсюда методологическим подходом. Но сузим предмет нашего исследования до жанра биографии.

Перед нами биографическое повествование, начинающееся с сообщения о рождении героя, далее рассказывается о том, где и когда происходило то или иное событие. Время и пространство романа можно обозначить как линейные. Отметим, что в повествовании почти не встречается выхода за пределы одного времени-пространства. Имеется в виду, что повествователь, занимая вненаходимую позицию по отношению к описываемым в тексте событиям, не совершает скачков в будущее или прошлое героя. Таким образом, время, в котором находятся герой и повествователь, – это время событийное, биографическое, оно противопоставлено времени прошлого или будущего. Эта особенность будет характеризовать весь нарратив романа, отражаясь и в наборе языковых элементов, которые закрепляют повествование в определенном временном отрезке. Конечно, есть несколько отступлений от обозначенного нами тезиса – случаи обозначения позиции всезнающего повествователя: *«Впрочем, он вообще любил инкогнито и псевдонимы, зовясь еще графом Фениксом и графом Гара, но это было впоследствии»*, *«...и он забыл об этом разговоре и лишь гораздо позднее, в римской тюрьме, вспомнил о вызвавших его досаду словах единственного и глупого своего друга, Лоренцы»* [Кузмин] – вот, пожалуй, все возможные временные «смещения», которые позволил себе повествователь. Отсутствие воспоминаний и появления «давно прошедшего времени» повествователь иронически объясняет позицией своего героя: *«Граф не очень любил воспоминанья детства, предпочитая воображать себя существом, взявшимся неизвестно откуда...»* [Кузмин]. В целом представление о времени как линейном характерно для жанра биографии, и пока мы можем наблюдать соответствие жанровому канону.

Особенностью данного текста является то, что, несмотря на возможность ввода исторического контекста в текст (вписать личность в исторический контекст – задача исторического романа и классического биографического романа нового времени), повествователь ставит в центр только «личное» время героя, что отсылает нас к обозначенному во «Введении» принципу не *«выдавать свои фантазии за исторические исследования»* [Кузмин]. Поэтому историческая реальность воссоздается в романе вскользь, она не принципиальна: герой не вписывается повествователем в историческую картину эпохи, хотя и упоминаются даты его жизни. Потому и европейские монархи и Екатерина Вторая выведены в романе как частные лица постольку, поскольку встретились на жизненном пути героя. Стихия XVIII в. измеряется событиями жизни Иосифа Бальзамо, графа Калиостро, путем точного или приблизительного (это касается первых лет жизни героя) определения, отнесения событий к той или иной дате. Этой функцией наделяются лексические единицы со значением темпоральности: год, месяц, неделя, день. Исторический

контекст вводится только в заключительной главе романа, где события личной жизни соизмеряются с событиями эпохи: *«Все были напуганы великим шатанием, которым уже раскачивалась грозно растерянная Франция. Искали и ненавидели виновников сбивавшейся бури»* [Кузмин].

Однако в повествовании есть свидетельства дискретности потока времени, возможности членения его на отрезки, когда повествователь выбирает для рассказа наиболее значимые события жизни своего героя, отмечая год, время года, а иногда и точную дату: *«Калиостро посетил Бордо и осенью 1784 года приехал в Лион», «Верх мирной славы графа произошел в среду 24 ноября 1784 года, когда на собрании братьев Калиостро вызвал тень недавно скончавшегося Проста де Ронэ...»* [Кузмин].

В целом, исследование категории времени в биографическом нарративе показывает, что указание на время отмечает основные вехи жизненного пути героя. С точки зрения языкового воплощения эта категория реализуется преимущественно на лексическом, морфологическом языковых уровнях с помощью временных форм глагола, указательных местоимений, числительных, существительных с семантикой темпоральности. Но происходит только фиксация личного времени героя, исторические события, не затрагивающие жизнь и судьбу Калиостро, не упоминаются.

Категории времени и пространства важны для осознания человеком себя в мире, потому обратимся к характеристике топоса в повествовании о биографии графа Калиостро. Рассказывая о жизни своего героя, повествователь скрупулезно отмечает место действия. Именно пространственные характеристики позволяют говорить о «хронотопе дороги» [Бахтин, с. 234 – 407], превращающем произведение в роман странствий, причем с выходом героя за пределы родной страны. Указанный хронотоп тесно связан с мотивом пути.

Отметим один принципиальный момент, характеризующий скитания героя. В части романа, повествующей о его детстве и юности, которого зовут пока еще Иосиф Бальзамо, довольно слабо представлены временные и пространственные характеристики (не сообщается ни год рождения, ни место рождения Беппо, события детства и юности героя не привязаны к конкретному году), точная хронология жизни начинается лишь с поездки Иосифа в Рим: *«Это было весной 1768 года»* [Кузмин]. В Риме Иосифа Бальзамо его будущая жена переименовывает в графа Александра Калиостро, к этому имени впоследствии герой настолько привыкнет, что, *«когда иногда в минуту нежности жена называла его “Бальзамчик мой!”, он совершенно серьезно хмурил брови и думал, кого имеет в виду графиня»* [Кузмин]. С этого момента начинаются его странствия: Рим – Лондон – курляндский город Митава – Петербург – Варшава – Страсбург – Лион – Париж – Лондон – Рим. Как видим, путь героя имеет циклический характер. В Риме начало деятельности и ее трагическое завершение, промежуточное место в замыкании цикла играет Лондон.

Первые шаги Калиостро в масонстве успешны и приносят ему славу. Но в заключительных главах он покидает города и страны не в поисках новых свершений, а потому что утрачивает удачу, авторитет, славу, друзей. Начинаются гонения. В центральной части романа мотив пути предстает в модификации пути наверх, связанного с обретением силы, а также стремлением Калиостро познать возможности духа и способы его «регенерации». В заключительной части странствия героя можно охарактеризовать как путь вниз: в пространственном отношении – это возвращение в Рим, в духовном плане – утрата силы. Обе описанные модели пути отражают установку автора понять *«многообразные пути духа»*, заявленную во «Введении», определить место, *«которое занимают избранные герои в общей эволюции, в общем строительстве Божьего мира»* [Кузмин]. Циклический возврат приводит к отрицанию самой идеи движения и обуславливает замкнутость земного мира, невозможность прозрения и выхода за его границы. Цикличность привносит мотив пустого кружения. Мотив получает пространственное воплощение, например: пространство городов и замкнутое пространство домов, в которых живет Калиостро (прибывая в новый город, Калиостро располагается у друзей либо устраивает свой дом, со временем все более богатый). Богатство домов показывает устремленность героя к земному богатству и его масонское учение превращается в фарс. Восхождение героя к вершинам духа, надежда на изучение непостижимых тайн мира оканчивается. Последний дом, в котором живет Калиостро, обустроен не им, а его слугой, предавшем впоследствии хозяина в руки суда католической церкви (впрочем, слуга и был подослан церковью). Этот римский дом описывается подробнее, чем другие, особый акцент делается на нелепости, вычурности интерьера и проводится аналогия с утратой самим Калиостро силы: *«Не закрывая уже глаз на то, что силы его слабеют, знание и влияние утрачиваются, опыты часто не удаются, он предпочитал делать сеансы у себя, где система портьер, зеркал, выдуманная С. Маурицио, много помогала в том случае, когда приходилось прибегать к механической помощи, а странные чучела и тексты отвлекали внимание»* [Кузмин].

Цикличность проявляется и в сюжете: ключевым событием становится встреча с неким вестником. При первой встрече вестник – «молодой прекрасный человек» – пророчит маленькому Иосифу: *«У тебя же большой, огромный путь! Ты даже сам не предполагаешь, какая участь тебе готовится»* [Кузмин]. Второе явление вестника носит остеререгающий характер: *«Я говорю не от себя. Граф Калиостро, не увлекайтесь честолюбием, не откалывайтесь из желания самостоятельности, потому что всякий откол – поранение, не вступайте в интриги политические или корыстные, не пускайте пыль в глаза бедным ротозеям, не желайте быть прославленным»* [Кузмин]. Отметим, что во многом этим пророческим для героя словам вторит и сам повествователь. Особую трактовку получают слова о предназначении и пути героя: *«Ведь не в том смысл его жизни, чтобы дать пример школьникам или исцелить несколько тысяч*

больных...», «...разве напрасно были даны разум и сила и свободная (увы!) воля?» [Кузмин]. Но вопрос о смысле жизни человека, будь то простой или «избранный герой», остается риторическим. Тем не менее важно отметить, что в «историческом сознании» Кузмина мерой событий всего мирового порядка является именно человек. Так, событийная сторона жизни главного героя тесно связана с идеей пути как духовного становления человека, воплотившаяся в повествовании буквально в скитаниях Калиостро.

Таким образом, при создании биографии М. Кузмин не ориентируется на классическую биографию XIX в., для которой характерно «выдвижение на первый план исторического подхода в жизнеописании выдающейся личности» [Никифорчук, с. 314]. Кузмин не биограф легендарного Калиостро; ему не важно показать развитие личности во взаимосвязях с культурным и историческим контекстом (возможно, этим обусловлен выбор личности для жизнеописания). С точки зрения содержания эта биография беллетризована, художественна, т.е. вымысел доминирует над фактом: предметом рассмотрения является не то, что известно и можно документально подтвердить (хотя в случае жизнеописания Калиостро сложно найти документальные первоисточники), а то, достоверность чего не может быть точно установлена – частные случаи жизни, диалоги героев, внутренний монолог. Подобная установка заложена еще в названии произведения – «Чудесная жизнь...». Перед нами вымышленная биография, но, в понимании автора, вымысел – лучшая биография. В этом тезисе заложено отрицание идей позитивизма XIX в., стремящегося научно описать окружающий мир, но, по мнению художников модернизма, продемонстрировавшего лишь односторонность восприятия этого мира. «В символизме же в новой познавательной ситуации усиливается житнетворческий аспект, постепенно перерастающий из мистико-религиозного действия в экзистенциально значимый процесс самоопределения личности» [Луценко, с. 18]. Так, в прежней художественной системе история отдельного человека могла быть описана объективно внешним повествователем, всезнающим и всеобъемлющим. Критический подход модернизма дал возможность определить историю как что-то вымышленное, неоднозначное, а историю жизни отдельного человека трактовать в любом ключе, истинном только для художника. Герой рассматриваемой биографии не равен прототипу, это вероятный герой в вероятных обстоятельствах. Приблизительность, отсутствие фактической информации прикрываются художественным вымыслом, который априори объявляется главным способом постижения мира и его истории.

В. Руднев в «Словаре культуры XX века» показал, как изменилось отношение к понятию «истина». Логический позитивизм определял ее как «соответствие высказывания реальности». При этом критерием истинности является верификация. Кризис понятия произошел, когда в рамках «истины» стал рассматриваться «художественный вымысел» [Руднев, с. 120]. В заключительных строках романа (сильная позиция

текста) делается акцент на вероятности и неоднозначности интерпретации истории: *«Известно, что Бастилия тоже была разрушена 14 июля, какой-нибудь мечтатель подумает, что эти неодушевленные сооружения постигла кара за то, что они скрывали в своих стенах Калиостро, но не следует забывать, что много тюрем, где сидел Бальзамо, стоят до сих пор, а если развалились, то от ветхости, а также и того, что есть крепости, в которых никогда не было Калиостро, а они между тем были взорваны. Впрочем, мечтателям закон не писан»* [Кузмин]. Заключительные слова романа (точнее лексема «мечтатель») коррелируют со словами из «Введения» (лексема «фантазии»): *«...я отнюдь не думал предлагать на общее внимание компилятивные биографии и еще менее выдавать свои фантазии за исторические исследования»* [Кузмин]. Так, Кузмин-автор (во «Введении») и повествователь (в тексте биографии) высказывают одну точку зрения: биография вообще, а биография легендарного Калиостро в особенности, может носить изобретательный, вымышленный и в чем-то вариативный характер, целью ее является изображение событий жизни человека избранного, непохожего на остальных, центром повествования является непрерывный духовный рост человека, фактически воплощенный в пространственном движении.

Литература

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. URL: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotor/hronmain.html> (дата обращения: 23.01.2013).

Грамматчикова М.Б. Игровые стратегии в литературе Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

Кузмин М. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро // *Михаил Кузмин.* Стихи и проза. М., 1989. URL: http://az.lib.ru/editors/k/kuzmin_m_a/text_0284.shtm (дата обращения: 20.01.2013).

Луценко К.В. Проза русского символизма и особенности развития литературного процесса // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2012. № 3.

Никифорчук С.С. Биография как тип текста: к истории вопроса // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2011. № 13.

Руднев В. Словарь культуры XX века. М., 1997.